

Сирень цвела...

12+

О.В.Фролов

Олег Фролов
Сирень цвела...

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Фролов О. В.

Сирень цвела... / О. В. Фролов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-532-98753-1

Пятая книга из серии о советском разведчике. Задание, выполнение которого потребовало возвращения на Родину. Все персонажи и события вымышлены. Любое совпадение случайно.

ISBN 978-5-532-98753-1

© Фролов О. В., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

I	5
II	7
III	9
IV	10
V	11
VI	12
VII	13
VIII	14
IX	15
X	16
XI	17
XII	19
XIII	20
XIV	22
XV	24
XVI	26
XVII	28
XVIII	30
XIX	32
XX	34
XXI	36
XXII	38
XXIII	40
XXIV	42
XXV	44
XXVI	46
XXVII	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Олег Фролов

Сирень цвела...

I

Сирень цвела... Кусты цветущей сирени сменяли друг друга практически без промежутков, образуя сплошную стену. Крупные цветочные кисти эффектно смотрелись на фоне сочных зеленых листьев.

Каждый раз, приближаясь к очередному повороту, Петр думал, что, уж, теперь-то всё, сирени больше не будет, но вновь и вновь ошибался. Ему даже начинало казаться, что заросли сирени по обочинам дороги нескончаемы, настолько долго он ехал между ними. А, может быть, аромат сирени сказывался, пьянил и слегка кружил голову, проникая в открытое боковое окно автомобиля?

«Сирень... Тогда тоже цвела сирень... Я подарил букет Александре... С тех пор сирень – это наши любимые цветы... Сколько же лет прошло? Много... Двадцать пять. Двадцать пять лет... И за все эти годы я был с Александрой не больше трех лет. Был сразу после нашей встречи на Белорусском вокзале... А после я видел Александру всего один раз... Один раз в течение недели. Видел ее и сына. Виктор Кириллович организовал, – Петр вздохнул. – Да, Виктор Кириллович... Виктор Кириллович...»

Впереди вдалеке на встречной полосе появился «додж».

«Это те, с кем назначена встреча, – понял Петр. – Сколько их? Ясно, что не один. Интересно, а кроме "доджа" другого или других автомобилей не будет? Хотя, они же поставили условие, чтобы я был один, так зачем же им много людей? Мест в "додже" достаточно. Могут обойтись и им одним. И зачем им здесь именно "додж"? Могли бы воспользоваться менее приметным автомобилем. Здесь же Европа, а не Америка. Так, нет, американцы должны даже в Европе ездить на американском автомобиле, что бы все знали и видели: едут американцы... Это их стиль жизни: самоуверенность и наглость».

«Додж» стремительно приближался.

«Ну, что же, сейчас поговорим, а пока посмотрим действительно ли они одни... Или все-таки нет, – Петр начал притормаживать, – пусть проедут как можно больше до меня. Если они заранее договорились о дистанции, то второй автомобиль, если он действительно есть, должен будет показаться. Показать и или продолжить движение, или резко затормозить, остановившись».

Сближение автомобилей продолжалось, Петр продолжал внимательно вглядываться в «додж».

«Что-то в нем не так... что-то... – подумал он. – Что? Он не притормаживает! Наоборот, он прибавляет скорость! Зачем? Он же должен остановиться. Но на такой скорости? Какие же у него должны быть тормоза? А, если? Если он это делает намеренно? Тогда...»

Петр втопил в пол педаль газа до отказа, мотор взревел и автомобиль, набирая скорость, помчался навстречу «доджу».

«Если сейчас он не сбросит скорость, – решил Петр, – то, значит, я прав! А коли так, то вперед! Вперед!»

«Додж» скорость не сбросил и уже через пару минут автомобиль Петра почти поравнялся с ним.

«Я не ошибся! – Петр увидел, что в боковом с опущенным стеклом окне за водителем «доджа» появился ствол автомата и держащий его человек начал спешно прицеливаться. – Ну, сейчас!»

Он интуитивно пригнулся и на полной скорости скользнул бортом автомобиля по правой стороне "доджа", слегка доворачивая руль влево. Автомобиль со страшным скрежетом бросило вправо с такой силой, что Петр почувствовал боль в руках, крепко держащих руль.

«Только не вылететь! – он вскинул голову и вывернул руль, удерживая автомобиль на середине дороги. – Не вылететь!»

II

Не останавливая автомобиль и постепенно сбрасывая его скорость, Петр посмотрел в зеркало заднего вида. Как он и надеялся, «додж» слетел с дороги и перевернулся, рядом с ним никого не было.

«Так, теперь быстро к нему, – он затормозил, съехав на обочину, и попытался открыть дверь. – Не открывается! Конечно, не открывается. Наверняка вся левая сторона автомобиля деформирована, вот дверь и заклинило».

Петр перебрался с места водителя на соседнее сиденье и, открыв правую дверь, вышел из автомобиля. Повел плечами, слегка присел, поочередно поднял руки, затем ноги, наклонился в разные стороны, покрутил головой.

«Вроде все нормально, все цело и слушается. Только очень болят руки, – он направился в сторону «доджа». – Надо бы как-нибудь поосторожнее подойти. Не хватало еще нарваться на выстрел из него. Хотя, судя по всему, он вряд ли будет»..

Петр осмотрелся. Утренняя дорога была пустынной.

«Для европейцев еще раннее утро, да и день не рабочий... Могут позволить себе поспать... Через час-другой начнут массово выезжать... А пока, если и поедут, то единицы. Но все-таки надо торопиться, – он осторожно спустился на обочину и сзади подошел к «доджу». – Похоже, что все как я и ожидал».

Да, четверо, находившихся в перевернувшемся «додже», ему уже не были опасны. Ни с кем из них он раньше не встречался.

«Нет даже того, кто назначил мне эту встречу, – отметил Петр, внимательно рассматривая салон «доджа». – Интересно, почему? Не было необходимости и он поручил все сделать этим, или он был подставной и эти его убрали? Автомат-то наш, «Калашников»... Решили его использовать, поскольку практически безотказен или ...? Если или, то ... Ладно, додумаю позднее, а теперь надо поспешать...»

Петр вернулся в свой автомобиль и через правую дверь сел на место водителя. Вытянутыми руками уперся в рулевое колесо, ногами в педали тормоза и сцепления, откинул голову назад на спинку кресла, чуть наклонив ее вправо, и прикрыл веки так, чтобы из-под них было можно наблюдать за дорогой.

«Всё. Когда кто-либо подъедет, решит, что я без сознания. А я ему или им подыграю: то, что я в таком состоянии вполне правдоподобно после случившегося. Да и руки очень болят, любое врачебное освидетельствование подтвердит. А, кто эти в «додже», я не знаю. Ни о какой встрече с ними я не договаривался. На вопрос об автомате у них сделаю удивленный вид. В конце концов, может быть они бандиты, гангстеры? Откуда мне знать? К «доджу» я не подходил, я проверил: трава не примята, к нему и тому, что в нем, – Петр улыбнулся, – я не прикасался. Собаку вряд ли полиция будет использовать: и так все очевидно. Да и у полицейских автоинспекторов собак не бывает. Кроме того, они же и затопчут всё. И вообще, как все же цветет и пахнет сирень! Сирень...»

Петр почувствовал, что его тянет в сон.

«Что это? – удивился он. – Разрядка после нервного напряжения? Или результат того, что поздно лег и рано встал? Раньше такого я как-то не замечал... Возраст, что ли? Как-никак уже под шестьдесят... Хотя, при чем здесь возраст? Я его пока что не очень-то и замечаю... В любом случае спать нельзя. Надо быть начеку. И обдумать, пока никто не приехал, хотя бы предварительно, то, что пришло в голову у «доджа» почему хотели стрелять и почему из «Калашникова». Странно это... Ничего, вроде, не располагало к этому... До этого утра все шло, как и ожидалось. Ничего подозрительного я не замечал. У меня в голове даже не было,

что могло произойти подобное. Но оно же произошло! А, раз произошло, значит, для этого должны быть причина или причины... Но что это за причина или причины? Откуда они взялись? Из-за чего? И кому это было выгодно? И почему именно "Калашников"? И почему так демонстративно?»

III

«О причине или причинах, я сразу не докопаюсь, – ожидая, когда его и перевернутый «додж» обнаружат, он, не желая терять время и борясь со сном, решил поразмышлять над происшедшим. – Тем более, что пока никаких мыслей на этот счет у меня нет. Тогда начну с «Калашникова»... Итак, «Калашников» – это наш, советский автомат. Автомат, который не только продается в разные страны, но и подделывается... Интересно, это наш автомат или подделка? Надо будет постараться это узнать... узнать через моих «друзей» в ЦРУ и БНД. Им я обязан сообщить о происшедшем, а тем более и Центру. А что мне это даст? Пока ничего... Но, предположим, если мне удастся узнать его заводские данные, можно будет попробовать попросить Центр отследить его путь от момента сборки... Возможно, это что-нибудь прояснит... Хорошо бы суметь выяснить это до отправки моего сообщения в Центр о происшедшем, но удастся ли? Предположим, что не удастся или автомат окажется подделкой... Что тогда? Тогда, надо выяснить у «друзей» страну-автора подделки... Может быть, у них будут и данные о возможном изготовителе... Будут же они по своим картотекам проверять... Вот, возможно, что-то и выплывет... В общем, в том или ином случае может появиться хотя бы какая-нибудь конкретная отправная точка для дальнейших размышлений и поиска причины или причин...»

Петр слегка поворочал занемевшей шеей и вновь принял прежнюю позу.

«Никак, начинается шейный остеохондроз... – подумал он. – Этого мне еще не хватало... Ну, хорошо, с автоматом более или менее понятно... Теперь, почему так демонстративно? Не могли же они не понимать, что о «додже» могут узнать... Мог же кто-нибудь его видеть... Например, подойдя к окну дома, выходящему на шоссе... Это же элементарно: более-менее точно определить время происшествия, опросить возможных свидетелей, проживающих или находившихся примерно в это время до и после места происшествия. А, может быть, кто-то и проезжал мимо «доджа»... Да и, экспертиза установила бы, что патроны от «Калашникова»... Если бы они захотели, они могли бы это сделать по-тихому. А здесь как будто нарочно, открыто, я бы даже сказал нагло, чтобы было широко известно. Но для чего? Показать силу? Зачем и перед кем? Не понятно... Вернее, не известно... Было бы известно, стало бы понятно. Так, что остается только строить гипотезы. Вот, например, такую: те, кто в «додже» выполняли заказ в отношении меня... Но чей? А, если они же и были заказчиками? Вряд ли... Не логично: сами себя бы подставили... И почему появился этот заказ? Опять, не понятно... Ну, хорошо, попробую по другому... Предположим, те, кто ехал в «додже» на встречу со мной, – простые исполнители и им удалось бы исполнить задуманное. Что было бы дальше? Они постарались бы скрыться... Их бы искали и, вполне вероятно, нашли бы и арестовали... Они могли бы рассказать о заказчике или заказчиках. Заказчику или заказчикам это надо? Нет. А, раз, нет, то заказчик или заказчики сделали бы все, чтобы эти в «додже» в случае успеха, ничего и никому не смогли рассказать, то есть просто бы убрали их как не нужных свидетелей. А, если я ошибаюсь? Если заказчик или заказчики как раз и рассчитывали на то, что исполнители будут арестованы? Могло такое быть? Маловероятно, но все жё... Хорошо, допустим, что расчет был именно таким. Но что бы это им дало? Известность! Именно известность! И их бы стали искать... Неужели они могут быть уверены в том, что их не найдут и они останутся безнаказанными? Если могут, то кто же они? Представители верхних эшелонов власти? Власти продажной и коррумпированной. А, если не власти, а коррумпированных с нею кругов? Например, каких-то крупных корпораций... Нет, корпорации вряд ли... как не крути, пятно на репутации всё-таки может остаться... Им этого не надо. Тогда кто ещё? Ещё... ещё... ещё мафия! Но причем тут я и мафия? Хотя... возможно так и есть. А, может, и нет... Надо вспомнить...»

IV

Всё началось в один из дней более полугода назад. Утро того дня не предвещало ничего необычного. Я, как обычно, приехал в офис за пятнадцать минут до начала рабочего дня. В приемной за своим столом меня уже ждала секретарь, перед ней лежали две кожаные папки коричневого и зеленого цветов. В коричневую папку складывалась вся зарегистрированная входящая корреспонденция, в зеленую – документы, которые необходимо было подписать.

– Доброе утро, Элеонора, – поздоровался я. – Много сегодня почты?

– Доброе утро, сэр, – ответила она, улыбнувшись, – все как всегда. Ни больше, ни меньше.

Вам приготовить кофе?

– Нет, не надо. Спасибо.

– Извините, сэр, – покраснела секретарь, – я давно уже работаю у вас...

– Я помню.

– Вы не подумайте, – краска не сходила с ее лица, – я не о повышении заработной платы.

Я только хотела спросить...

– О повышении заработной платы мы тоже можем поговорить, – ответил я, – но позднее.

А спросить, спрашивайте...

– Я каждое утро предлагаю приготовить вам кофе, и вы каждый раз отказываетесь.

– Да.

– А почему? – лицо Элеоноры стало еще краснее.

– Просто я привык пить кофе в другой обстановке, – улыбнулся я.

– Только поэтому? – удивилась секретарь.

– Конечно.

– А я-то решила...

– Что именно? – поинтересовался я.

– Что вам нельзя или вы... – Элеонора замялась. – Вы...

– Скажем так, – пришел ей на помощь я, – вы решили, что я не доверяю вам. Я прав?

– Да, – ее лицо стало пунцовым. – Спасибо, что вы подобрали такие деликатные слова.

– Ну, положим слова не такие, уж, и деликатные, – возразил я. – Но за то, что вы задали мне этот вопрос, спасибо.

– Спасибо? – удивилась секретарь. – За что? Не понимаю...

– Вы подали мне интересную идею, – улыбнулся я, – относительно степени взаимопонимания и доверия босса и подчиненных...

– Я? – лицо Элеоноры стало терять пунцовую окраску и приобретать обычный цвет. – Вы считаете, что я...

– Вы молодец, – перебил ее я. – И вы вполне можете рассчитывать на повышение заработной платы... Еще раз спасибо.

Я открыл дверь своего кабинета и вошел в него.

«Она действительно помогла мне... – садясь в кресло у письменного стола, подумал я. – Она обратила внимание на мелочь, над которой я особо не задумывался: любая привычка может породить массу вопросов и может так стать, что сразу убедительных ответов на них дать не удастся. А это уже зацепка для тех, кто наблюдает, особенно по роду своей деятельности... Вот так зацепятся и начнут шаг за шагом двигаться... В общем готовая пусть и малюсенькая, но реальная предпосылка для провала. Да, надо больше придавать внимания своим привычкам... А еще лучше менять их. Конечно, не сразу все, а постепенно... Менять, хорошо мотивируя каждое изменение или каждый отказ от привычки. В общем, все, как и всегда, должно быть естественным и понятным для наблюдающих».

V

"Кстати, а она сама не из их числа? – Ведь, вполне может именно так и быть... Будучи моим секретарем, она очень много знает о моих контактах и поездках, не говоря, уж, о почте... Вот, только кто ее мог мне подсадить: американцы или немцы? Или и те и другие? Может же она работать одновременно и на тех и на других. Может. Вполне может. Ну-ка, ну-ка, что я знаю о ней? – я начал вспоминать. – Так, ей немногим более сорока, на собеседовании она рассказала, что разведена, детей нет, приехала из маленького захолустного городка, живет одна на съемной квартире. Стоп! Вот это-то мне и показалось тогда странным: симпатичная женщина и одна... Я даже спросил ее тогда об этом. Она... Она покраснела примерно, так же как и сегодня и ответила, что разочаровалась в мужчинах. Точно! Именно так все и было! Я не стал продолжать эту тему. Да и рекомендации, которые она предоставила, были хорошими. В общем, и в испытательный срок, и после него до сегодняшнего дня она вполне успешно справлялась со своими обязанностями секретаря. Почему до сегодняшнего дня? Она и сейчас продолжает и будет продолжать работу у меня, и зарплату я ей прибавлю. Обязательно прибавлю. Но на всякий случай надо будет присмотреться к ней, особенно к ее съемной квартире. Вполне может быть, что именно эта квартира поможет прояснить ситуацию: относится ли Элеонора к числу наблюдающих за мной и на кого она работает..."

В проеме открытой двери кабинета появилась Элеонора с двумя папками в руках.

– Разрешите зайти, сэр? – спросила она.

– Да, заходите.

"Она совершенно спокойна, – я посмотрел на нее, – как будто и не краснела. Или у нее действительно крепкие нервы, или она умеет управлять ими. А, может быть, и то, и другое?"

– Ваши документы, сэр, – секретарь привычно положила папки на край письменного стола слева от моего кресла.

– Спасибо.

– Что-нибудь еще, сэр?

– Нет, спасибо. Пожалуйста, переведите все телефонные звонки на себя.

– Хорошо, – Элеонора повернулась и вышла из кабинета, плотно прикрыв дверь за собой.

Я специально попросил ее перевести телефонные звонки, поскольку еще со вчерашнего вечера хотел обдумать новое задание Центра.

Оно заключалось в том, что мне поручалось установить контакт с одним из видных деятелей оппозиционного движения в одной из латиноамериканских стран, но таким образом, чтобы он не знал, какая именно страна проявила к нему интерес и предложила сотрудничество. Прямой контакт с ним мне был запрещен.

"Если Центр поручает это мне, практически все время находящемуся в США, это означает, что других путей у него на данный момент нет. Это первое. Второе заключается в том, что Центр понимает, какому риску он подвергает меня, но вынужден на это идти, поскольку этот деятель крайне важен. И третье: мне нужен человек, которому я могу доверять, и который вступит в контакт с этим... – я почувствовал, что даже упоминание об этом деятеле, мне почему-то интуитивно неприятно, – этим... ну, пусть он будет, скажем, Диего... с этим Диего. А такого человека у меня нет, и Центр это знает. Знает, но поручает... Значит, мне надо найти и такого человека. Но это большой риск! Любая вербовка может закончиться или удачно или нет... А неудачи я допустить не имею право! И еще риск в том, что задание связано с Латинской Америкой... И, понимая это, Центр все-таки поручает мне. Да, для него я точно единственный вариант..."

VI

Я понимал, что в Латинской Америке, причем не только в той стране, которую я вынужден был покинуть, вполне могли быть те, кто знал и помнил меня по событиям более чем четверть вековой давности, и могли бы опознать меня. Это было бы концом легенды о том, что я не существую, с соответствующими нежелательными последствиями для Федора и всех, кто с ним связаны.

"Я, правда, не знаю, по-прежнему ли там Федор, но даже, если он и уже покинул эту страну, все равно появится нежелательная зацепка. Зацепившись, можно будет попытаться отследить все перемещения и связи, контакты. А это будет означать, что работать будет еще более сложно, еще более рискованно. Поэтому мне в латиноамериканских странах даже показываться нельзя. Любая случайная встреча может стать началом для контрразведывательной операции... Следовательно, я должен найти человека для контакта с Диего или здесь, в Штатах, или в какой-то из не латиноамериканских стран. И этот человек не должен быть выходцем из какой-то из них. Он может быть американцем, канадцем... а, может быть, и европейцем: например, англичанином, французом, немцем... Хотя, немцем, наверное, не стоит... Диего не может не знать, что в Латинской Америке укрывается много бывших фашистов. Еще решит, что именно от них к нему и направлен человек для установления контакта, а для оппозиционного деятеля, претендующего на роль лидера, это может быть компрометирующим фактором... Но с другой стороны, поддержка, естественно, не афишируемая, богатыми выходцами из фашистской Германии, а то, что они успели вывезти достаточно финансовых средств, это бесспорно, могла бы значительно укрепить позиции Диего... Вдруг, да и захочет он этого? Ну, что же, как один из возможных вариантов пока принимается, – усмехнулся я. – Один? А разве уже есть второй? Второй? Есть! А, может быть, тот, кто выйдет на контакт с Диего будет итальянцем? Итальянцем, но американизированным... Но тогда, Диего может подумать, что этот итальянец представляет интересы мафии... Может? Может. И что тогда? Самое разумное – это отказаться от контактов, но с другой стороны, почему бы и не продолжить? У мафии денег много, связи обширные, да и влияние на часть населения велико... Но, что захочет мафия от Диего взамен за поддержку? Да, мало ли что... Придумаю. Так, еще варианты есть? Похоже, пока нет. Теперь надо продумать, как обеспечить надежное прикрытие этим вариантам и откуда взять немца или итальянца, а может быть, кого-то другого... И как осторожно собрать возможную информацию об этом Диего".

Я знал, что США давно уже взяли под контроль все политические режимы в странах Латинской Америки, постоянно отслеживают все изменения, происходящие на политических аренах латиноамериканских стран, поэтому был уверен, что у американцев есть интересующая меня информация о Диего.

"Но не могу же я прямо спросить их об этом. Нужна причина для проявления с моей стороны такого интереса. И причина настолько веская, что американцам нельзя будет просто отказать мне. Они будут вынуждены пусть не всё, но все-таки сообщить мне. А это уже не плохо. Но с другой стороны, если Диего находится под их контролем, а так, скорее всего, и есть, то и я невольно попадаю под него. Хотя, они и раньше и сейчас за мной наблюдают... Действует правило контрразведки: никому не верь и всех контролируй, даже своих собственных партнеров... А я, как ни как, был и остаюсь, и сделаю все, чтобы еще долго оставаться, связным звеном между БНД и ЦРУ, – я задумался. – Остаюсь-то, остаюсь, но являюсь ли единственным? Вряд ли, сейчас не те времена, когда все начиналось... Да и не в правилах разведок постоянно полагаться только на один канал связи или информации... Наверняка, есть и другие, о которых я не знаю... Значит, надо быть самым необходимым из всех! Самым-самым!"

VII

"В общем, как бы я не поступил, я все равно становлюсь объектом внимания, но только теперь еще более пристального. А это значит, что любые мои действия и даже бездействие будут фиксироваться и изучаться... Но какое мое действие должно быть первым? С чего начать? Может быть... Может быть.... Может быть попробовать прозондировать наличие интереса у БНД к латиноамериканцам? Если он есть, то это будет повод для разговора в ЦРУ. А, как я объясню немцам мой интерес к этому? С чего бы это я после стольких лет вспомнил о Латинской Америке, из которой я уехал? – я посмотрел на лежащие на краю письменного стола папки. – А, если..."

– Пригласите ко мне Николсона, – нажав кнопку на селекторном переговорном устройстве, сказал он. – Срочно!

– Сию минуту, сэр, – ответила Элеонора. – Приглашаю.

"Да, это мысль! Если получится, то это станет нормальным объяснением... Действительно, почему бы не объединить? – Петр увидел, что дверь в кабинет приоткрылась. – Вот, сейчас это и пойму..."

– Можно войти, сэр? – в приоткрытой двери показалась голова Николсона.

– Входите.

– Доброе утро, сэр, – Николсон вошел и встал перед моим столом. – Мне сказали, что вы меня вызываете.

– Да, – я изучающе посмотрел на него. – Я вызывал вас. И знаете зачем?

– Нет, – мужчина покраснел. – Не знаю.

– Я хочу узнать у вас кое-что, – я увидел, как насторожился Николсон, – узнать... Да, вы присаживайтесь.

– Спасибо, сэр, я постою.

– Садитесь! – я указал рукой на кресло слева от приставного стола. – Думаю, что разговор может быть долгим...

– Спасибо, – Николсон сел, положил руки перед собой на поверхность стола, – я весь во внимании...

"А он напуган... – подумал я, выдерживая паузу. – Чем? Только ли тем, что я его вызвал? Или тем, что я сказал, что разговор может быть долгим? Или тем и другим? Или чем-то еще?"

– Вы давно работаете в моей компании, – начал я, – и практически все время на одной должности. Так?

– Да, сэр, – преданно глядя на меня, ответил Николсон, – спасибо вам сэр...

– За что?

– За то, что я работаю в вашей компании, сэр.

"Он боится потерять работу! – понял я. – И волнуется из-за того, что я могу объявить ему, что он уволен".

– Это вам спасибо, – улыбнулся я, – за преданность компании и безупречное отношение к порученной работе.

– Что вы? – чуть не задохнулся Николсон. – Что вы, сэр? Я не достоин такой оценки.

– Мне виднее.

– Конечно, конечно, – смутился мужчина, – вы – босс, вы всегда правы. Извините меня.

"Он не только трус, но и подхалим к тому же, – отметил я. – А, ведь, ему уже под пятьдесят. Ну-ка, ну-ка..."

– Вы никогда не хотели поменять должность или место работы?

VIII

- Я? – лицо Николсона побагровело.
- Вы.
- Знаете... – лицо мужчины по-прежнему было багровым, – если я вам отвечу, что не хотел, вы мне не поверите...
- Возможно, – кивнул я.
- А если, отвечу, что хотел, то вы поинтересуетесь когда, сколько раз и почему...
- Возможно, – повторил я.
- Поэтому, если позволите, сэр, я не отвечу на этот вопрос.
- "Трус и подхалим, но умный, – усмехнулся про себя я, – ну, что же... Бывает..."
- Позволяю.
- Спасибо, сэр, – лицо Николсона стало приобретать естественный цвет.
- Так, вот, – я сделал небольшую паузу, – по роду вашей деятельности вы многое должны знать о наших компаниях-контрагентах. Не так ли?
- Абсолютно точно, – с облегчением выдохнул мужчина, – вы, как всегда, правы, сэр.
- "Подхалим! – возмутился я. – Какой подхалим!"
- Вот и расскажите мне, кто из наших контрагентов имеет свой бизнес или хотя бы часть его в странах Латинской Америки, а, стало быть, и контакты с латиноамериканскими компаниями...
- Но я специально не готовился... – смутился Николсон.
- И хорошо, я же не прошу у вас подробной информации, мне пока нужна информация общего плана, – я посмотрел в глаза мужчине. – Или вы хотите подготовиться?
- Нет! – воскликнул он. – Я готов сейчас.
- Вот и хорошо. Начинайте...
- Сколько у меня есть времени?
- Времени? Часа вам хватит?
- Конечно, конечно, – закивал головой Николсон. – Я уложусь.
- Верю. Я вас слушаю...
- Николсон начал рассказ. Рассказывал он обстоятельно, иногда сообщая даже мелкие подробности.
- "А он действительно много знает, – слушая его, подумал я, – память, похоже, у него хорошая. Но трус: испугался, когда я предложил ему подготовиться... Испугался, что произведет на меня плохое впечатление, и того, что второго такого случая разговора с боссом может не быть. Вот теперь и старается... стремится проявить себя... Хитрый... Хитрый трус."
- Я не знаю, на сколько это вам важно, сэр, – Николсон понизил голос и подался всем корпусом в мою сторону, – но перечисленные мною наши контрагенты кроме экономических, еще имеют и политические связи в странах Латинской Америки.
- Да? – как можно равнодушнее, спросил я, откидываясь на спинку своего кресла. – Откуда вам это известно?
- У меня есть приятели в некоторых из них, мы иногда встречаемся, разговариваем...
- И они вам так просто это рассказывают?
- Понимаете, – Николсон покраснел, – мы встречаемся в барах...
- Выпиваете...
- Да, и разговариваем ...
- Вы сильно пьете? – поинтересовался я. – Только честно.

IX

– Ну, не так, чтоб очень... – замялся Николсон. – Но на работе это не сказывается!

"Вот он и проговорился, – опять усмехнулся я, – закладывает он за воротник знатно..."

– По утрам голова часто болит?

– Бывает... – потупился Николсон. – Иногда...

"Ага, так я тебе и поверил! Иногда... Не иногда, а систематически! Отсюда и давление скачет: то-то твое лицо твое красное, то багровое. Особенно, когда волнуешься, – я посмотрел на пальцы рук мужчины. – Пальцы еще не дрожат... Значит, алкоголиком еще не стал... пока не стал..."

– У вас есть, что еще мне рассказать о наших контрагентах?

– Да, но, если позволите, я бы мог подготовить вам подробный доклад по интересующему вас вопросу и предоставил бы его вам, – Николсон даже сжался в своем кресле, – если позволите...

– Два дня вам хватит?

– Да, вполне. Спасибо!

– И вам. Доклад передадите моему секретарю.

– Секретарю? – лицо мужчины вытянулось и побледнело. – Как секретарю?

– Да, секретарю, – я хотел, чтобы мой интерес к латиноамериканским странам, не был достоянием только меня и Николсона, тем более, если мое предположение было верным и Элеонора была из тех, кому было поручено наблюдать за мной.

– А я думал... – вырвалось у расстроившегося Николсона.

– Что?

– Что я передам его лично вам.

– Нет. Но я подумаю над тем, как можно будет в дальнейшем использовать вас.

– Спасибо! – обрадовался мужчина. – Значит, я могу рассчитывать...

– Можете, – прервал его я, – вы и в дальнейшем будете нужны компании.

– А можно спросить?

– Спрашивайте?

– Это приведет к повышению моего статуса?

– Вероятно... Узнаете позже.

– Спасибо, сэр! – Николсон поднялся из кресла. – Я могу идти?

– Идите.

Мужчина вышел из кабинета.

"Обрадовался, – подумал я. – Статус ему, видите ли, надо повесить... И повышу. Повышу... Не утерпит же, расскажет своим собутыльникам, про разговор со мной... И пусть расскажет, те разнесут по своим компаниям... Все будут знать о моем интересе к Латинской Америке, да еще, что вполне вероятно, будут выдвигать мне предложения... А мне это как раз и надо... Пусть все запомнят, что я изучаю возможности для открытия бизнеса в латиноамериканских странах! А там, где экономика, там рядом и политика. Вот и будет повод для консультаций в БНД! Разведка – один из инструментов политики, нацеленный не только на настоящее, но и на будущее. Так не пора ли и немцам активизироваться в Латинской Америке? Хотя бы, чтобы на месте изучить ситуацию и наличие перспектив... Вот тут-то я со своим интересом и пригожусь. А раз так, то я могу и в ЦРУ это повторить... Повторить, чтобы получить информацию о Диего и потом подобраться к нему".

Х

"А, если в БНД скажут, что их не интересует Латинская Америка? Не скажут. Я же помню, как все было в начале пятидесятых. Не может же БНД отказаться от достигнутого. Отказаться вряд ли, а вот от того, чтобы я этим занимался, может. Почему? Да, мало ли почему... Могут не захотеть рисковать мною, понимая, что может последовать после моего нового появления, пусть даже после стольких лет отсутствия... Или, возможно, у БНД уже есть тот или те, кто работает в Латинской Америке... В этом случае я там тоже не нужен. А может быть посоветуются в ЦРУ и примут решение, что мне не стоит заниматься этим... – я понимал, что истинные причины я вряд ли узнаю. – Ну, что же, если в БНД откажутся, я в любом случае объявлю всем в своей компании, что будем пытаться выйти на латиноамериканский рынок. И пусть Николсон этим займется... И даже то, что он трус, может, в крайнем случае, пригодится... Не будет упираться, расскажет все, что будет знать... А знать он будет только то, чем будет заниматься... Да, в отсутствие санкции БНД мне придется намного сложнее... Понятно, что прикрытием будут только мои бизнес-интересы... Мало, но лучшее, чем ничего... Но в этом случае как я получу интересующую информацию о Диего? И где я найду того, кто вступит в контакт с Диего?"

Я встал из-за письменного стола и подошел к окну. Я любил стоять у окна небоскреба и размышлять, рассматривая лежащий передо мною город.

"Огромный город, масса народа, и, наверняка, здесь есть кто-то, кто готов предложить мне свои услуги, если бы знал, что они мне нужны, – подумал я. – Но кто? Как он узнает, что они мне нужны? Не давать же объявление... Хотя... А почему бы и нет? Такая-то компания набирает персонал для работы в Латинской Америке.... Нет, указывать, что в Латинской Америке не стоит, – это привлечет внимание тех, чего внимания как раз бы не хотелось. Просто указать, что работа связана с разъездами... А, уже на собеседованиях, проговаривать с каждым... И что? Я же не могу встречаться с каждым, да, и как с первого раза понять, что это тот, кто мне нужен. Нет и гарантии, что пришедший на собеседование не подставной... Нет, это не вариант... Но тогда какой? Может быть, осторожно поговорить с кем-либо из партнеров? Их у меня много... и отношения со всеми ними нормальные... Конечно, с большинством из них встречаюсь не регулярно; так, время от времени, но зато мы часто перезваниваемся, особенно по праздникам, да и с днями рождения друг друга поздравляем..."

"Этот? Нет... И не этот... А, может быть, ... Нет, вряд ли... Эти тоже не подойдут... И эти... Он тоже... А этот тем более... – я, не спеша, начал перебирать в уме всех тех, с кем поддерживал контакты все эти годы. – Нет, и этот не подходит... И этот... А, этот? Нет. Эти? Эти не могут быть полезны... Как и этот... А, если... Нет, не годится. Похоже, что из американских никого нет. Пока нет... А из европейских? Хотя, захотят ли европейцы лезть в далекую для них Латинскую Америку? Стоп! Я же знаю, кто может захотеть! Как же я о нем сразу не подумал? Это же профессор Ландфильд! Точно, мы еще с пятидесятых знаем друг друга. Я ему время от времени оказывал финансовую помощь в его изысканиях... Надо с ним поговорить!"

Я вернулся за письменный стол, достал из кармана связку ключей, выбрал из них один, и, вставив его в замок второго сверху ящика, дважды повернул.

"Надо найти его номер телефона, – вынув из ящика и начав перелистывать выдавшую виды записную книжку в кожаном переплете, решил я, – найти и позвонить... Он, конечно, уже в возрасте, но, возможно, ему будет интересно, да и ученики у него есть... Может быть, порекомендует кого-нибудь из них... Могут же быть среди его учеников те, кто изучает Латинскую Америку... Могут..."

XI

Профессор Ландфильд обрадовался моему звонку.

– О, какой приятный звонок! – воскликнул он, едва я поздоровался и назвал себя. – Здравствуйте! Здравствуйте, дорогой мой! Как я рад вас слышать!

– Я тоже, профессор, – честно признался я. – Как ваше самочувствие, как продвигаются научные изыскания?

– Спасибо, для моего возраста, думаю, не плохо. Да и книгу пишу...

– Какую, если не секрет?

– А, помните, вы помогли мне с финансами в прошлый раз? Вот, по итогам этой экспедиции...

– Очень рад. И когда же выйдет из печати книга?

– Думаю, не раньше чем через год... Материала много, а времени не хватает...

– Что так?

– Я же все еще преподаю, да и с лекциями выступать езжу...

– Вы молодец! Я могу рассчитывать, что вы пришлете мне вашу новую книгу?

– Непременно, дорогой вы мой! Вам в первую очередь. А как у вас дела?

– Да, все как и прежде. Правда, собираюсь расширить немного свой бизнес... Как говорят, выйти на новый рынок...

– Какой? Или это секрет?

– Да, нет. Никакого секрета: хочу поработать в какой-либо из стран Латинской Америки. Вот и хотел попросить у вас совета...

– У меня? – удивился профессор. – Но я же ничего не понимаю в бизнесе...

– Мне нужен совет не экономического характера... Вы отлично разбираетесь в ситуации в латиноамериканских странах...

– Ну, вы мне льстите, – по интонации Ландфильда, я понял, что профессору приятно это слышать, – так, немного...

– Нет. Я в этом уверен.

– Хорошо, оставим это. Так чем я могу вам помочь?

– Не могли бы вы, более-менее подробно, сориентировать меня, какие из стран надежны с точки зрения ситуации в них... Не хотелось бы, чтобы моему бизнесу грозили бы какие-нибудь катаклизмы...

– Правильная осторожность, – согласился профессор, – страны этого континента могут принести любые неожиданности. А какие именно страны вас интересуют?

Я перечислил несколько, среди которых была и страна, где жил Диего.

– Да, неплохой выбор. Я правильно понимаю, что вы хотите начать ваш бизнес в одной из них?

– Одной – двух на первых порах. Так, какие вы посоветуете?

– Знаете, не простую задачку вы мне задали. Внешне в них вроде все хорошо, а на деле... изнутри... Вам прямо сейчас нужен ответ?

– На ваше усмотрение.

– Ну, я бы вот эти, – Ландфильд перечислил несколько стран, – не советовал. А остальные мог бы, хотя и там есть "подводные камни"...

– Какие? – интересующая меня страна, была среди остальных.

– Знаете, сейчас ко мне должны прийти, так, что, если вас это устроит, я вам пришлю ответ по почте, – предложил профессор, – да еще посмотрю кое-что, поговорю кое с кем...

"Странно, – подумал я, – мог бы сказать, что перезвонит или чтобы я перезвонил... А тут по почте... И поговорить с кем-то хочет, и что-то посмотреть..."

XII

"Очень странно... – мне в голову пришла другая мысль. – Ну-ка..."

– А может быть, мы поступим по-другому? – предложил я. – Может быть, мы встретимся? Вы не собираетесь с лекциями в мой город?

– Хорошая идея! – оживился Ландфильд. – Я буду рад встречи с вами. Правда, лекций в вашем городе у меня нет... И будут ли неизвестно... А, вы, как я понимаю, не можете долго ждать?

– Да, сами знаете: бизнес ждать не будет. Тогда, если вас это не затруднит, я бы мог дня через четыре заехать к вам, проездом... Не возражаете?

– Нет, конечно, не возражаю! Приезжайте! Я так давно вас не видел...

– Хорошо. Тогда я накануне вам позвоню, и мы договоримся о времени и месте встречи.

– Да, я буду ждать звонка. Только, пожалуйста, запланируйте в вашем рабочем календаре не менее пяти часов на нашу встречу. Это можно?

– Можно.

– Ну, и отлично. Я как раз для вас все и подготовлю.

– Хорошо, тогда до встречи. До свидания!

– До свидания!

"Да, Ландфильд неспроста не захотел рассказывать мне по телефону, – положив телефонную трубку, подумал я, – неспроста... В первый раз это... В первый... О своих поисках доказательств существования контактов между Европой и Америкой в доколумбовую эпоху по телефону сколько раз рассказывал, а о ситуации в латиноамериканских странах не захотел. Не захотел? Да, похоже, что все-таки не захотел. Но почему? Почему?"

Я нажал и отпустил кнопку с именем секретаря на селекторном переговорном устройстве.

– Вызывали, сэр? – приоткрыв дверь в кабинет, спросила Элеонора.

– Да, зайдите, пожалуйста.

– Слушаю, – секретарь вошла и остановилась напротив стола, глядя на меня.

– Я собираюсь побывать в некоторых наших филиалах, так, что закажите мне билеты, – я, не спеша, перечислил города и даты. – Запомнили?

– Да, – секретарь повторила сказанное мною. – Всё как всегда? Бизнес-класс и ...

– Да, как обычно, – кивнул он. – И предупредите всех, что я завтра уезжаю.

– Конечно, обязательно.

– И ещё... Проконтролируйте, чтобы послезавтра Николсон предоставил доклад. Возьмите его у него и положите мне в отдельную папку.

– Сделаю, сэр. Что-то еще?

– Кто-нибудь звонил?

– Да, – Элеонора быстро перечислила звонивших, – я ответила, что вы заняты. Никто из них не настаивал на том, чтобы я срочно соединила с вами. Все обещали перезвонить позднее.

– Хорошо. Переключите телефоны вновь на меня и займитесь билетами...

– Да. Я могу идти?

– Да, идите.

Элеонора ушла и плотно закрыла за собой дверь кабинета.

"Память у нее отличная, – подумал я, – запоминает и помнит всё... Я ни разу не видел, чтобы она какое-либо мое поручение записывала... Профессиональная у нее память! Профессиональная... Только какой профессии: секретаря или наблюдателя? Или и той и другой? Надо до поездки начать разбираться с этим... Надо! И начать надо с ее квартиры. Да, именно, с квартиры".

XIII

"Итак, я решил заняться выяснением вопроса об Элеоноре... – Петр посмотрел в зеркало заднего вида. – Никого пока. Решил и обратился в частное сыскное агентство, благо рекламных материалов о них было много. В тот же день выбрал одно и в обед приехал в его, так сказать, офис".

Это было небольшое помещение в торце старого многоэтажного здания с подержанной мебелью и тремя телефонными аппаратами. За столом с одним из них сидел грузный мужчина лет сорока пяти и, как понял я, мучился от безделья.

– Хелло, – поприветствовал его я, – хотите заработать?

– Хелло! – оживился мужчина. – А кто же не хочет? Покажите мне такого парня, и я страшно удивлюсь.

– Очень хорошо, – я без приглашения сел в заскрипевшее подо мною продавленное кресло, – тогда я попал по адресу.

– Ты точно попал, куда тебе надо, – осклабился мужчина. – Наше агентство именно то, которое тебе нужно!

– Хотелось бы верить, – улыбнулся я. – И в чем же преимущества вашего агентства перед другими?

– Во всем! Только мы беремся за всё!

– Да? – усмехнулся я.

– А, чего ты усмехаешься? Не веришь, так иди, откуда пришел! Понял!

– Да? – вновь усмехнулся я и вытащил из нагрудного кармана костюма пару заранее приготовленных сотенных купюр. – И они тоже?

– Они? – мужчина, как замороженный, смотрел на доллары. – Они могут остаться.

– Только со мной.

– Конечно, парень! Я же сказал, что наше агентство именно то, какое тебе нужно! Чем можем помочь?

– Да, так, одна небольшая справочка...

– Какая?

– Ну, скажем, личного плана, – я заметил, как мужчина проводил взглядом стодолларовые банкноты, возвращенные в нагрудный карман костюма, – весьма личного.

– Наследство? Женщина? Конкуренты?

– Второе.

– Ясно. И кто же она?

– Она? Она ... – я, четко выговаривая каждое слово, назвал фамилию и имя.

– Где живет?

– Не знаю, это предстоит узнать, – я действительно этого не знал, а личное дело, в котором можно было бы прочесть адрес, не запрашивал, чтобы не привлекать внимание.

– Ладно. Что еще известно о ней?

– Она мой секретарь.

– Секретарь? – удивился мужчина. – И вы хотите, чтобы мы...

– Я хочу, чтобы вы сообщили мне всё, что вам удастся узнать о ней, – не дал ему договорить я, – всё. Вы поняли: всё!

– Понял. Могу я узнать для чего?

– Нет! – отрезал я. – Это вас не касается! И запомните: это не подлежит обсуждению!

– Хорошо, хорошо, – закивал мужчина. – Как скажите.

– Я и сказал.

– Да, я запомнил. В конце концов, вы платите деньги, а мы только их обрабатываем.

– Вот именно. Так вы беретесь за это?

– Конечно! Сейчас только заполним бумаги и, будьте спокойны, всё сделаем. Только нет ли у вас ее фотографии?

XIV

– Нет. Я же сказал, что она работает у меня. Вот вам моя визитная карточка, – я достал ее из нагрудного кармана, понимая, что наступает кульминационный момент разговора, – там есть вся информация, чтобы не только знать с кем вы имеете дело, но и чтобы вы могли найти Элеонору...

– О, вы называете ее просто Элеонорой! – воскликнул мужчина, взяв протянутую ему визитную карточку и не успев взглянуть на написанное на ней.

– Ну и что? – я сделал вид, что не понимаю. – А как я ее должен называть?

– Ну, мисс или миссис, – мужчина посмотрел на текст визитной карточки, – сэр.

– Это тоже не обсуждается!

– Хорошо, сэр.

– Тогда, оформляйте скорее, – я демонстративно посмотрел на свои наручные часы, – я и так очень долго здесь засиделся.

– Понимаю, понимаю, сэр, – мужчина вынул из ящика стола несколько листов бумаги с напечатанным текстом и ручку, – сейчас я все сделаю, сейчас...

Он начал, время от времени поглядывая на визитную карточку, что-то быстро писать.

"Да, он клюнул, – наблюдая, как на бумажных листах одна за другой появляются неровные корявые буквы, подумал я, – клюнул на доллары. Вот, уж, действительно в мире капитализма деньги – ключ ко всему. И как он изменился, прочитав, кто я, сэром стал называть. Похоже, мне удалось внушить ему, что мой личный интерес к Элеоноре – это интерес босса к смазливой секретарше. Ну, что же, пусть думает, что я хочу сделать ее своей любовницей или уже сделал. Получается, что босс подстраховывается в этой интрижке... Поэтому и не поручил никому из подчиненных заняться этим..."

– Готово! – мужчина прекратил писать и посмотрел на меня. – Только...

– Сколько? – перебил его я. – Назовите сумму.

– Я думаю, – мужчина назвал число с тремя нулями, – если, вас это устроит, сэр...

– Устроит.

– И хотелось бы задаток...

– Держите! – я вновь достал две стодолларовые купюры и положил на стол. – Этого хватит?

– Да, вполне, – мужчина быстро открыл ящик и смахнул в него деньги с поверхности стола. – Вполне хватит.

– Позвоните мне, когда будут результаты, – приказал я. – Звонить только по прямому номеру, он первый на визитной карточке. Если телефонную трубку возьму не я, ничего не говорить. Ясно?

– Ясно, сэр. Будьте добры, прочитайте, – мужчина подвинул мне листы бумаги, – и, если согласны, подпишите.

Я быстро пробежал глазами написанное. Меня все устраивало.

– Значит, вы – Том Пигман...

– Да, сэр, он самый. Всегда к вашим услугам... – мужчина протянул мне ручку.

– Знаю, – я достал из внутреннего кармана костюма свою ручку и, не спеша, расписался против своей фамилии. – Все?

– Да, – Пигман положил на стол свою ручку и, разложив бумаги на две части, придвинул одну мне. – Это ваше, сэр.

– О'кей! – я убрал ручку и, сложив листы бумаги пополам, в карман и встал. – Я жду звонка. До свидания!

– До свидания, сэр! – вскочил из-за стола Пигман. – Рад был знакомству с вами, сэр. Все будет сделано быстро, сэр.

– И, напоминаю, в рамках закона! – подчеркнул я.

– Конечно, сэр, – Пигман ослабилась и подмигнул. – Именно так, сэр! Я провожу вас, сэр...

XV

– Нет, – я направился к выходу из помещения.

– Хорошо, сэр. До свидания, сэр!

Я вышел и вернулся в офис.

На следующий день я выехал в филиалы. Элеонора все четко организовала, я во время пребывания в один за другим, встречался с их руководителями и проводил совещания, в общем, инспектировал деятельность подразделений.

А через четыре дня, как я и обещал, встретился с Ландфильдом в его университетском кабинете. Профессор постарел, но был по-прежнему бодр и полон идей.

– Книга, которую я сейчас пишу, будет во многом прологом к будущей, – сказал он. – К той книге, которая взорвет все научное общество, вынудит его по другому посмотреть на привычные исторические события...

– Вы думаете это возможно? – осторожно поинтересовался я. – Вы, что готовите переворот в науке?

– Вот! – воскликнул он. – Вы попали в самую точку! Переворот не переворот, но повернуться и задуматься им придется!

– Вы в этом уверены?

– Да! Понимаете, – увлеченно говорил он, – у меня появилась одна удивительная гипотеза, косвенно подтверждаемая теми фактическими данными, которыми я располагаю. Она будет настолько неожиданной, что ее, скорее всего, подвергнут жесточайшей критике. Но я готов к ней! Мне бы только еще немного поработать над поиском прямых доказательств...

– Моя помощь нужна? – догадался я.

– Мне неудобно, но я бы не отказался, если бы вы могли немного спонсировать...

– Конечно, – кивнул я. – Можете назвать сумму?

– Пока нет, я еще не определился, – профессор смущенно улыбнулся. – Понимаете, если я попрошу денег у кого-то из научных кругов, мне придется раскрыть содержание моей гипотезы. А это...

– А это может привести к потере авторских прав на нее, – завершил я.

– Именно! Или к преждевременной огласке, что тоже не годится. Да и денег могут не дать...

– Даже так?

– А как вы думаете? В научных кругах конкуренция как в бизнесе: каждый хочет быть первым и сорвать куш. А для этого все средства хороши... Сами же знаете: без денег в нашем мире ничего сделать нельзя.

"Это в вашем... – подумал я. – Вашем, где всё измеряется в денежных знаках и количестве цифр на банковском счете. Хотя, почему в вашем, пока еще в моем тоже... Пока... Пока я еще здесь, а не на Родине".

– Я, наверное, заговорил вас, – по-своему истолковал мое молчание профессор. – Вы же приехали, что бы узнать о том, что вы меня спрашивали по телефону.

– И для этого тоже, – согласился я, – да и вас повидать захотелось... Мне всегда интересно разговаривать с вами...

– Мне тоже, – признался Лансфильд, – вы умеете слушать и слышать. Это большая редкость наше время.

– Ну, что вы, профессор, – улыбнулся я. – Я знаю много людей, умеющих делать то же самое...

– Значит, вам повезло больше, чем мне, – вздохнул он – Я могу пересчитать своих по пальцам.

– А как же ваши ученики?

– Знаете, – задумчиво сказал профессор, – я скажу фразу, которая наверняка вас удивит: не каждый, кого я учил, может считаться моим учеником.

XVI

– Один вопрос, не возражаете?

– Конечно, нет. Задавайте.

– Может или считается? – уточнил я.

– Хороший вопрос. Считается-то любой, но есть те, кто лучше бы не считался, – хмуро ответил он. – Я исключил их для себя из своих учеников.

– Почему, если не секрет?

– По разным причинам... – профессор помолчал. – Знаете, я всегда хотел, чтобы начатое мною продолжали мои ученики, но это не входило в планы, по крайней мере, большинства из них... Некоторые даже стали моими ярыми оппонентами... Были и такие, которые пытались приписать себе то, что принадлежит мне по праву... А кое-кто преднамеренно заранее сообщал другим о моих планах и выводах... В общем, каждый сам выбирал свой путь, сам строил свою карьеру, при чем не только в науке...

– Поэтому-то вы и не стали отвечать на мой вопрос, который я задавал вам по телефону? – догадался я.

– Я так и знал, что вы это заметите, – улыбнулся Лансфильд, – я же говорю, что вы умеете слушать и слышать.

– Спасибо.

– Да, не за что. Когда вы мне позвонили, я ждал одного из своих учеников... Учеников в смысле того, что он учился у меня, а не в том, что я могу, а вернее хочу, считать его своим учеником...

– Что так?

– Я считаю, что наука должна быть вне политики, только в этом случае она будет объективна, любое субъективное вмешательство в нее только искажает результаты. Так, вот, тот, кого я ждал, решил совместить свою научную карьеру с политической деятельностью. А это ученому противопоказано! Или – или: другого тут быть не может!

– Тот, кого вы ждали, знал об этом?

– Конечно. Это один из основных постулатов, которые я в обязательном порядке доводил до каждого, кто становился моим учеником.

– Значит, он нарушил этот постулат, и вы...

– Я исключил его из числа своих учеников, – завершил мою фразу профессор.

– Не слишком сурово?

– Нет.

– Он знал об этом?

– Знал. Я, когда мне стало известно, что он занимается политикой, обстоятельно поговорил с ним.

– И все-таки он решил встретиться с вами? Или вы его сами пригласили?

– Нет, это было его решение. Он позвонил мне за день до вашего звонка и попросил о встрече, сказав, что это важно для моей научной деятельности. Вот, я и согласился.

– Понятно.

– И, знаете, о чем мы говорили?

– Нет.

– Об одной из стран, о которых вы спрашивали меня...

– Да? Интересно...

– Он предложил мне подписать письмо в поддержку одного из политических деятелей этой страны, – профессор назвал фамилию интересующего меня оппозиционного лидера, –

уверяя, что после того, как этот политик придет к власти, мне будут предоставлены всяческие преференции, и я стану одним из руководителей университета в столице этой страны.

– И что же вы?

– Я? Я, естественно, отказался. Наука должна дистанцироваться от политики, да и этого политического деятеля я не знаю. А поддерживать неизвестного – это глупость.

XVII

«Ну, не такой, уж, он неизвестный, – усмехнулся про себя, я, – хотя, если профессор действительно далек от политики, то для него он конечно неизвестный... Но настолько ли профессор далек от политики? В наше время это вряд ли возможно... Что-то здесь не так... не так...»

– Я правильно понял, что, даже, если бы знали этого политического деятеля, вы бы не подписали письма в его поддержку?

– Да. Именно так.

– И что ваш, так сказать, ученик?

– Он разозлился и заявил, что я не понимаю своей выгоды и что я об этом еще пожалею.

– Он угрожал вам?

– Нет, ничего, кроме того, что я вам рассказал, больше не было...

«А больше и не надо, – подумал я, – намек куда как прозрачен. Неужели профессор это не понял? Или делает вид, что не понял?»

– И что вы об этом думаете?

– Думаю, что мне надо прекратить с ним любые контакты. Я ему так и сказал.

– А что он?

– Он вскочил и, не прощаясь, выскочил из кабинета, хлопнув дверью.

– Понятно. И с того дня он больше вам не звонил и у вас не появлялся?

– Нет.

– Скажите, профессор, а он не злопамятен?

– Что? – удивился Лансфильд. – Почему вы об этом спрашиваете? Вы думаете...

– Кто знает... – задумчиво сказал я. – Кто знает...

– Нет, он ничего не сможет мне сделать! Кто я и кто он: известный ученый и какой-то ...

– А, если предположить, что у него действительно большие политические связи, то тогда?

– Тогда? Тогда ... – Лансфильд задумался. – Тогда ... Тогда, у меня могут появиться некоторые проблемы...

– Какие, если не секрет?

– Ну, – профессор помолчал, – скажем, так: мне будет сложно получить доступ к некоторым необходимым для исследования материалам...

– То есть, – подвел итог я, – политика окажет воздействие на историю как науку.

– Ну, не на всю науку, но на то, чем занимаюсь я, это точно, – вынужденно согласился он.

– Вот, видите, оказывается не все так однозначно...

– Это вы о чем?

– О том, что не всегда наука может дистанцироваться от политики.

– Да, – профессор помрачнел, – вы, как всегда правы, правы, по крайней мере, сейчас.

Так что же мне делать, а?

– Еще раз встретиться с ним или позвонить ему. У вас есть его номер телефона?

– Есть. Он в начале встречи дал мне свою визитку, она у меня в ящике стола. Но зачем?

Чтобы подписать письмо? Повиниться? Отказаться от своих принципов?

«А он гордый человек, – отметил я, – гордый и принципиальный. Жаль, что я не могу обойтись без его помощи».

– Нет, об этом речи быть не может, просто для того, чтобы познакомить меня с ним.

– Вас? Зачем?

– Для того, чтобы переключить его внимание с вас на меня.

– Не понимаю...

– Из вашего рассказа я понял, что он ищет поддержки для оппозиционного деятеля, у которого, судя по всему неплохие шансы, для вхождения во власть. Так?

XVIII

– Так.

– Придя к власти, этот деятель, готов предоставить преференции. Так?

– Так.

– А я собираюсь начать бизнес, в том числе и в этой стране...

– Понял! – воскликнул Лансфильд. – Вы хотите воспользоваться ситуацией и ...

– Да. Я хочу не только войти на рынок, но и в дальнейшем, если этот деятель победит, получить преимущества перед возможными конкурентами.

– Но, ведь, это же коррупция! – возмутился профессор. – Это уголовно наказуемое деяние.

– Знаю. Но это здесь, в Штатах, хотя и здесь есть политическое лоббирование, а в латиноамериканских странах, насколько мне известно, коррупция как раз, скажем мягко, приветствуется и процветает. Разве не так?

– Так, – нахмурился профессор, – именно так в настоящее время обстоят дела. В том числе и в стране, которая вас интересует.

– Это один из тех «подводных камней», о котором вы мне намекнули в телефонном разговоре несколько дней назад? И одна из причин отказа подписать письмо?

– Да, вы вновь все правильно поняли.

– А другие «камни»?

– Расскажу, как и обещал. Время у вас есть?

– Вы просили пять часов. Так что есть.

– Очень хорошо, – Лансфильд посмотрел на свои наручные часы. – Правда, видимо уже меньше...

– Ничего, я успею, – я не стал сообщать профессору, что запланировал пребывание в его городе в течение суток, – некоторый запас времени у меня еще есть. Вы не будете возражать, если я буду делать небольшие заметки?

– Делайте, только...

– Что?

– Я знаю, что вы порядочный человек, – Лансфильд покраснел, – но все же прошу...

– Чтобы я нигде и никогда никому не говорил, что все, что я узнал и записал, я услышал от вас, – закончил я начатую им фразу. – Вы это хотели попросить?

– Да, – он удивленно посмотрел на меня. – Вы знаете, иногда мне кажется, что вы можете читать мои мысли...

– Не беспокойтесь, профессор, этого я не умею. Просто за годы в ... – я улыбнулся, – ... бизнесе приходилось бывать в различных ситуациях...

– Тогда понятно, – кивнул он. – Это приобретенный вами опыт.

– Возможно. Не беспокойтесь, я никому не скажу.

– Верю. Спасибо. Тогда можно начинать?

– Да.

Рассказывал он обстоятельно, как будто читал лекцию: называл страны, корпорации, имена, приводил примеры, делал время от времени обобщения.

«Как же все прогнило, – слушая его и время от времени записывая интересующее меня, размышлял я, – власть не может без капитала, а капитал без власти... Так и ходят парочкой: власть прикрывает капитал, а капитал подпитывает власть... Вот оно на деле сращивание капитала с властью: капитал приходит во власть, а власть сливается с капиталом...»

– Еще одна проблема в интересующих вас странах – это рост влияния криминалитета, – произнес Лансфильд, – причем не только на улицах, а во властных структурах. Его ставленники все активнее проникают в различные властные структуры, в том числе в правоохранительные, не только обеспечивая тем самым защиту криминалу, уводя его от ответственности, но и разлагая его властные структуры изнутри. И ...

XIX

Профессор внезапно замолчал и внимательно посмотрел на меня.

– Что? – спросил я.

– Сейчас я скажу вам то, что меня очень тревожит... Более того с этим я, да и, думаю, что и вы уже сталкивались. По крайней мере, в Штатах этого уже много...

– Слушаю...

– Я предполагаю, что на первый план в интересующих вас латиноамериканских странах выходит наркобизнес. По той информации, которую мне удалось собрать через коллег, получается, что резко возрастает влияние наркобаронов. Наркобизнес уже накопил и накапливает огромные финансовые средства, часть которых идет не только на подкуп представителей власти, но и все сильнее проникает в экономику, где они отмываются и легализуются. Наркотики все в возрастающих количествах поступают в Штаты и Европу, похоже, что скоро их можно будет найти в любой стране на земном шаре.

«Вот оно! – понял я. – Вот то, что я могу предложить ЦРУ и БНД в качестве прикрытия моего интереса к странам Латинской Америки!»

– Вы думаете?

– Да. И знаете, что, – профессор оглянулся и, вплотную приблизив свое лицо к моему, прошептал, – я думаю, что это делается целенаправленно.

– Зачем? – я сделал вид, что не понимаю.

– Зачем? Посудите сами: кто в первую очередь потребляет наркотики?

– Молодежь.

– Правильно. Жизнь наркомана коротка, так?

– Так.

– Вот и ответ на ваш вопрос: чем меньше населения на земле, тем богаче остающиеся, и наоборот.

«Не все так просто, – мысленно возразил я. – Во-первых, далеко не вся молодежь потребляет наркотики, во-вторых, не будет молодежи, не будет прироста населения, в-третьих, не кому будет работать из-за старения населения. А, вот, если учесть, что наркотическая зависимость превращает человека ради дозы в способного на все, то это... Это тихий и незаметный способ подготовки захвата любой страны, путь к организации переворотов и свержения существующего строя! Наркоманом легко управлять...»

– Вы молчите? – прервал мои размышления Лансфильд. – Задумались?

– Да, ну и «картину» вы нарисовали...

– Боюсь, что это может быть последняя «картина», которую люди смогут увидеть, – мрачно произнес он. – По крайней мере, многие из них.

– Н-да... Но, послушайте, профессор, неужели эти, как вы их назвали, наркобароны, могли додуматься до этого сами?

– Не знаю! – последовал резкий ответ. – Не знаю и знать не хочу!

– О'кей! – кивнул я, понимая, что профессор боится даже думать о том, о чем я его спросил, не говоря уже о том, как он боится произнести ответ. – Спасибо за информацию. Это все?

– Почти, – профессор с благодарностью посмотрел на меня, – есть еще кое-что...

– Что именно?

– Тот человек, с которым вы хотите, чтобы я вас познакомил, очень скользкий... Будьте с ним осторожны.

– Хорошо. Буду.

– И прошу вас: помните, что наркомафия может быть везде...

– Я правильно вас понял, что это относится и к тому, о ком вы говорите? – решительно спросил я, догадавшись о еще одной причине абстрагирования профессора от политики.

XX

– Вы всегда все правильно понимаете, – ответил он. – Я даже иногда жалею о том, что вы не могли и не можете быть моим не то, что учеником, а, я бы сказал, продолжателем того, чем я занимаюсь.

– Спасибо, – искренне поблагодарил его я. – Как вы понимаете, у меня другая стезя...

– Понимаю. А жаль, я уверен, что вы добились бы огромных успехов... Возможно, и мировой известности...

– Нет, – улыбнулся я, – не надо мне мировой известности. А, что касается успехов, они и сейчас у меня есть, правда, я не могу судить огромные ли они.

– Хорошо, – кивнул Лансфильд, – не будем об этом. Когда вы хотите, чтобы я позвонил и когда и где вы можете встретиться с этим человеком?

– Если можно, то позвоните сейчас, а встретиться я бы хотел, если вы не возражаете, в каком-либо ресторане на ваш выбор или сегодня или завтра.

– Вам так срочно это надо? – посмотрел на меня профессор.

– Знаете, бизнес не ждет... Кто первым застолбит место, у того и преимущества...

– Хорошо, я сейчас позвоню. Но *только* дайте мне слово, что как *только* я познакомлю его с вами, я не буду иметь с ним никаких отношений.

– Даю, но прошу выполнить одну мою просьбу.

– Какую?

– Вы и я будем вместе за одним столом в ресторане, куда придет этот человек.

– Я бы не хотел или это для вас имеет значение?

– Имеет.

– Хорошо, но как только я вас познакомлю, я через несколько минут уйду. Согласны?

– Согласен. Кстати, а почему вы ни разу не назвали мне его имя и фамилию?

– Заметили...

– Это было трудно не заметить.

– Не назвал потому, что настолько этот ... – профессор поморщился, – этот...

– Посредник, – подсказал я.

– Вот – вот, – обрадовался Лансфильд, – этот посредник мне неприятен. Но я назову его вам. Его зовут Джорж Кабино.

– Он латиноамериканец?

– Вряд ли стопроцентный. Насколько мне известно, его мать – латиноамериканка, а он сам родился здесь, в Штатах. Хотя... может я и ошибаюсь. А это для вас имеет значение?

– Да, как вам сказать... Просто я полагаю, что далеко не все в интересующих меня странах достаточно лояльно относятся к нам, американцам.

– И правильно полагаете, – согласился профессор, – многие нас не воспринимают, для них мы янки, гринго... в общем чужие. Но этого... посредника те, с кем он взаимодействует, похоже, принимают нормально.

– Полагаете?

– Да, если бы ему не доверяли, разве бы ему поручили собирать подписи под письмом в поддержку политического деятеля?

«Наивный вы человек, профессор, – подумал я. – Не все так однозначно может быть. Может быть ему никто ничего не поручал, он сам таким образом хочет доказать свою значимость и необходимость, может, если и поручили, так хотели проверить его или, наоборот, избавиться от него... А может, это проверяли вас? Проверяли на политическую лояльность? А

вот то, что вы намекнули мне о его возможной связи с наркомафией, это интересно... Очень интересно. Кстати, а этот деятель... Диего не может быть с ней связан? Если связан, то...»

XXI

- Возможно, – уклончиво ответил я. – Вам виднее, вы хорошо знаете его...
- Лучше бы я его не знал! – взорвался профессор. – Мне, да и вам, было бы спокойнее...
- Вы считаете, что он настолько опасен?
- Я считаю, что он беспринципный, на всё способный, короче, мутный человек.
- Это я уже понял.
- И, несмотря на это, по-прежнему хотите с ним встретиться?
- Да, таковы законы бизнеса... К сожалению, не всегда бизнесмен в праве выбирать с кем устанавливать контакты... Такова жизнь...
- Понимаю, – кивнул Лансфильд, – потому- то я не занимаюсь бизнесом. Так, мне звонить?
- Да.
- Хорошо, – профессор выдвинул ящик своего письменного стола и, немного покопавшись в нем, достал и положил перед собой визитку.
- Я вам не буду мешать? – поинтересовался я.
- Нет. Наоборот, ваше присутствие поможет мне сдержаться и не наговорить ему то, что я мог бы... – он протянул руку к стоящему на письменном столе телефонному аппарату, снял трубку и набрал номер.
- Ждать ответа не пришлось.
- Хелло, Джордж! – произнес Лансфильд, взглянув на меня. – Ты занят?
- Кабирио что-то ему ответил.
- Нам надо встретиться, хочу познакомить тебя с одним человеком, который, думаю, будет тебе интересен.
- Да, лучше сегодня. Нет, не у меня. В ресторане... Каким? Давай в ... – профессор назвал адрес. – Через два часа сможешь? Хорошо, через час. Столик я закажу. Всё!
- Он положил телефонную трубку.
- Жестко вы с ним, – усмехнулся я.
- Он этого заслуживает.
- Хорошо. Спасибо. Далеко до ресторана?
- Двадцать пять минут пешком.
- А на такси?
- На такси? На такси за пять минут доберемся. Я заказываю столик?
- Да, и такси. Но плачу я.
- Могу и я, но...
- Не хотите тратить деньги на этого...
- Правильно. И вообще мне противно его видеть!
- Потерпите, пожалуйста, немного.
- Придется.
- Пока Лансфильд делал по телефону заказы, я успел продумать мои дальнейшие действия.
- «Судя по рассказу профессора, доверять этому Джоржу Кабирио нельзя. Значит, придется работать «в темную»... И работать не самому, а через Николсона... Никого другого у меня нет... Ни и Николсон должен знать лишь то, чтобы быть успешным исполнителем того, что нужно мне. Знать, а при необходимости, и рассказать... – решил я. – Рассказать, чтобы «отвести глаза» от истинной причины моего интереса к этому Диго. А для этого я должен так заинтересовать Кабирио, чтобы он не смог не сообщить Диго о проявленном интересе».

Я понимал, что, решившись на встречу с этим Джоржем Кабино, я рискую: он увидит и запомнит меня, следовательно, может «засветить» меня как перед Диего, так и перед другими, кому станет известно обо мне.

XXII

Известно обо мне могло стать многим, и не только из политических структур, но тем, кто ими занимается профессионально: спецслужбам.

Но в данном случае риск был минимальным: каким бы он не был физиономистом, за столько лет, прошедших с тех пор, как я покинул Латинскую Америку, моя внешность потеряла естественные возрастные изменения, так что со слов Кабиरो невозможно было узнать меня в том, чьи фотографии в молодом возрасте могли сохраниться в архивах. Конечно, нельзя было исключить и того, что каким-то образом мои нынешние фотографии могли бы попасть к проявившим ко мне интерес, но и в этом случае должны были быть веские основания для того, чтобы начать сравнивать меня нынешнего со мной прошлым. А такие основания я предоставлять не собирался.

– У меня к вам еще одна просьба, – сказал я Лансфильду, прежде чем мы подошли и сели в такси.

– Какая?

– Не говорите Кабиро о том, где мы и при каких обстоятельствах познакомились.

– Хорошо. А если он спросит?

– Скажите, что как-то давно случайно разговорились в каком-то ресторане в Штатах, именно, здесь, в Штатах...

– Да? – он испытующе посмотрел на меня. – Я должен сказать неправду?

– Вы же сами предупреждали меня, что ему нельзя доверять.

– Договорились. Что-то еще?

– Кроме этого вы можете, если потребуется, рассказать о нашем взаимодействии в плане поддержки ваших научных изысканий.

– Без проблем. А, если он спросит, почему это вы в этом принимаете живое участие?

– Скажите, что это причуда бизнесмена.

– О'кей! – усмехнулся профессор. – Кстати, ведь мы никогда не говорили об этом.

– Не говорили.

– Так, почему же вы этим занимаетесь? – он пристально посмотрел мне в глаза. – Почему?

– Почему? – не отводя глаз, ответил я. – Я с детства интересовался историей и мне нравится узнавать в ней новое и необычное, а вы как раз поиском и открытием такого необычного занимаетесь.

– Я же говорил, что вы могли бы многого достичь на научном поприще! воскликнул профессор. – Из вас бы вышел выдающийся ученый.

– Спасибо, – улыбнулся я. – Теперь уже поздно, да и бизнесмен я вроде неплохой...

– Вам виднее...

Мы сели в такси и через пять минут входили в ресторан. Это был один из тех, в котором любят бывать американцы среднего достатка: небольшой и уютный, с негромкой музыкой и, как оказалось, с довольно хорошей кухней. Я понял, что Лансфильд был известен здесь, многие из сидящих за столиками приветствовали его и с интересом поглядывали на меня, когда, сопровождаемые метрдотелем, мы прошли к заказанному столику.

– Похоже, вы здесь завсегдатай, – сказал я, когда мы сели и сделали заказ. – У вас здесь много знакомых.

– Да, это одно из мест, где часто бывают преподаватели и студенты нашего университета, – ответил он. – А я здесь обычно ужинаю уже много лет.

– Кабиро тоже бывал здесь?

– Естественно, – скривился профессор. – Он с первого курса не пропускал ни одной возможности выпить, особенно, как мне рассказывали, за чужой счет. Иногда он напивался до того, что его приходилось грузить в такси...

XXIII

Кабирио появился в ресторане, опоздав на десять минут. Он сразу подошел к нашему столику, поздоровался и, спросив разрешения присесть, сел, смотря на меня.

Лансфильд представил его мне, а меня ему.

– Рад знакомству, – произнес Кабирио, – надеюсь, что оно будет полезно нам всем.

– Надеюсь, – согласился я. – И еще кое-кому...

– Да? – прищурился он и покосился на профессора.

– Его нет среди присутствующих, – улыбнулся я. – Он далеко...

Кабирио непонимающе уставился на меня.

– Ну, мне пора, – Лансфильд положил столовые приборы на стол и встал. – Приятного аппетита.

– Спасибо. До свидания, – ответил я.

– До... до свидания! – по лицу Кабирио было видно, что он изумлен. – Вы уходите?

– Да, – профессор повернулся и направился к выходу из зала ресторана.

Кабирио проводил его взглядом и повернулся ко мне.

– Не понимаю...

– Все очень просто, – сказал я, – профессор занят и не хочет терять время на неинтересные ему разговоры.

– Откуда вы знаете?

– От него. Он мне сам это сказал.

– Когда?

– Прежде чем согласился позвонить вам.

– Согласился? Он не хотел?

– Не хотел.

– Почему?

– Потому, что ему претит заниматься бизнесом, а тем более политикой.

– Что?

– Только не говорите мне, что вы об этом узнали только сейчас, – прямо глядя ему в глаза, сказал я, – вы знали это намного раньше. Так?

– Так, – Кабирио не выдержал моего взгляда, моргнул и отвел глаза. – Знал.

– Знали, и, не смотря на это, пришли к нему с предложением подписать письмо...

– Он и это вам сказал? – взвился Кабирио. – Да?

– Да.

– Почему?

– Потому, что я просил его познакомить меня с кем-нибудь из заслуживающих доверия людей, – слегка польстил ему я, – с кем можно было бы иметь дело...

– И он назвал меня?

– Да. Или вы не из них?

– Я... я... – Кабирио был похож на рыбу, оставшуюся без воды, – я... я... из них.

– Вот, видите, – улыбнулся я, – профессор оказался прав.

– Не понимаю...

– Что?

– Он же ...

– Что он же?

– Он же... – Кабирио помолчал, подбирая слова, – он же, мягко говоря, недолюбливал меня...

– Разве? – я сделал вид, что удивлен. – А у меня не сложилось такого мнения. Напротив, он удовлетворен сделанным вами выбором...

– Выбором? – было видно, что он лихорадочно пытается понять, что происходит. – Каким выбором?

– Вашим. Вашим выбором заняться политической деятельностью.

XXIV

– Послушайте! – вскочил Карибо. – Кто вы такой и почему так говорите со мной?
– Сядьте! – жестко приказал я. – Сядьте, на вас обращают внимание. Сядьте, и выслушайте меня.

Карибо рухнул на стул.

– Выпьете? – поинтересовался я, бросив взгляд на стоящие на столе бутылки.

– Да! – он схватил бутылку виски и, наполнив до половины бокал, мгновенно осушил его.

– Закусите, – я придвинул ему тарелку с сэндвичами.

– Не хочу!

– Надо, – отрезал я. – Ешьте! Разговор будет долгий...

Он торопливо съел два.

– Все в порядке?

Карибо кивнул и уставился на меня.

– Очень хорошо. Итак, я хочу поговорить с вами о долговременном и, что не маловажно, взаимовыгодном сотрудничестве. Уверен, что это сотрудничество будет выгодно как в общепринятом, так и в личном плане.

– Не понимаю... – произнес он.

– Всё вы понимаете, – усмехнулся я. – Выгода всегда имеет не только эфемерное, например, в виде общественного признания, но конкретное денежное воплощение. Не так ли?

– Так, – глаза его блеснули. – Но вы сказали и про выгоду кого-то, кого здесь нет...

– Вообще-то, я говорил про пользу, – рассмеялся я, – но вы правильно сделали, что заменили это слово словом «выгода».

– Вы не ответили на мой вопрос.

– А разве вы его задавали?

– А упоминание о том, кого здесь нет?

– Вы же сами сказали, что это просто упоминание. Но если вы хотите узнать, о ком идет речь, я скажу. Хотите?

– Хочу!

– О том, для кого вы хотели получить подпись профессора под известным вам письмом.

– О?

– Да, – я назвал имя и фамилию того, кого для самого себя называл Диего.

– Но мой патрон... Я не правомочен... – начал было Карибо.

– Бросьте! – оборвал его я. – Меня не интересует, правомочны вы или нет. Мне важно другое: вы готовы выслушать и принять мои предложения относительно вас, а также передать тому, кого сейчас здесь нет, мои предложения? Да или нет? Ну?

– Д... да... Да! – выкрикнул он. – Но я не могу обещать...

– Не правда! – прервал его. – Вы не только можете, но и должны обещать, во-первых, что вы примете мои предложения относительно себя, и, во-вторых, что передадите другие мои предложения. Итак?

– Но почему я должен обещать?

– Да, потому, что других таких предложений ни вам, ни тому, которого здесь сейчас нет, в обозримый период времени не поступит.

– Откуда вы знаете?

– А кто будет делать ставку на оппозиционного деятеля, люди которого не могут даже собрать подписи в его поддержку? Проще и надежнее поставить на того, кто уже во власти.

– Но вы-то, как я понимаю, собираетесь сделать ставку на него, – попытался поймать меня Карибо. – Почему?

XXV

– Неужели не понятно? – улыбнулся я. – Потому, что мне проще договориться с тем, кто рано или поздно придет к власти, чем с теми, кто уже во власти и у которых все есть или их аппетиты настолько раздуты, что у меня не хватит возможностей их удовлетворить.

– Вы говорите о финансовых возможностях? – осторожно поинтересовался Карибо.

– В первую очередь о них, но не только...

– О каких еще?

– Ну, скажем, о формирующих имидж...

– Так, кто же вы?

– Я? Я – бизнесмен, который хочет стать первым на рынке, а все потенциальные конкуренты остались бы далеко позади. У меня есть средства, которые я готов вложить на некоторый срок, с тем, чтобы по его истечению мой бизнес имел исключительные преференции... И, естественно, мне нужны гарантии...

– И вы хотите вложить их в ...

– Того, которого сейчас здесь нет, – подвел итог я, – конечно, с учетом ваших интересов. У вас есть возражения?

– Нет! Но может быть, вам надо предварительно встретиться с ним?

– Не сейчас, когда-нибудь непременно. Пока я собираюсь действовать через вас.

– Почему?

– Имидж... Ничто не должно отрицательно влиять на имидж. Бизнесмен с идеальным имиджем – вот, каким должен быть я.

– Но о ваших контактах с моим патроном узнают.

– Каким образом? – прищурился я. – Вы расскажите? Зачем? Чтобы потерять то, что я вам предложу? Ему тоже нет смысла афишировать поддержку из Штатов. Если об этом узнают, от него отвернутся многие его потенциальные избиратели и тогда большой вопрос: сможет ли он победить на выборах... Да и потом, излишняя разговорчивость часто приводит не туда, куда хотелось бы. Не так ли?

– Так, – помрачнел Карибо. – Особенно последнее.

– Правильно. Ну, будем продолжать?

– Да. Я вас внимательно слушаю.

– Тогда, так ... – я, не спеша, в полголоса, начал говорить, время от времени останавливаясь, чтобы ответить на вопросы Карибо.

Все это продолжалось минут пятьдесят, по истечению которых, я понял, что он, полностью согласен на все выдвинутые мною условия и готов немедленно отправиться к Диего, чтобы передать ему мои предложения.

– Можете быть уверены, что я сделаю все, чтобы эти ваши предложения мой патрон принял! – заверил меня Карибо. – И позвольте мне сказать, что я искренне признателен вам за оказанные мне честь быть знакомым с вами и доверие.

– Хорошо, – кивнул я. – Рад, что мы поняли друг друга.

– Да. Большое вам спасибо!

– Вы всё запомнили?

– Да, абсолютно всё!

– Тогда, на этом закончим, – я достал бумажник, вынул из него несколько купюр и положил на стол. – Я ухожу. Надеюсь, что ответ долго ждать не придется.

– До свидания! – поднялся из-за стола Карибо. – Вы скоро получите ответ. Я обещаю.

– До свидания! – убрал бумажник и тоже поднялся из-за стола. – Надеюсь.

– Всё будет сделано!

Я кивнул ему и ушел. Такси я не заказывал, мне надо было проверить, нет ли за мной «хвоста».

XXVI

«Что-то никого нет, – Петр прервал свои воспоминания и, повернув голову в разные стороны, осмотрелся. – Даже одиночных автомобилей нет... Никто никуда не торопится... Живут размеренной жизнью... Ну, ничего, подожду... Мне пока торопиться тоже некуда...»

«Итак, побродив по улицам и зайдя в несколько магазинов, я проверил: «хвоста» за мной не было. Ночь я провел в номере гостиницы, в которой остановился, прежде чем, направился на встречу с профессором. Номер был заранее заказан Элеонорой, и при желании меня можно было легко найти.

«Может быть, поэтому и не было «хвоста», – подумал я. – Но это, если касается ЦРУ или БНД, а то и их вместе взятых. Да и то, если Элеонора работает на них... Интереснее то, что, судя по всему, Карибо не удосужился установить за мной наблюдение, не посадил мне на «хвост» своих людей. Я бы постарался побольше узнать, будь я на его месте и в такой ситуации. Почему он этого не сделал? Не захотел? Возможно, но почему? Или он не профессионал или у него их нет? Это вполне вероятно. В конце концов он же занимается политикой, а не контрразведкой... А если я ошибаюсь, и он как раз работает на нее? Предположим, что ошибаюсь, тогда что? Тогда он сообщит обо мне и состоявшемся разговоре своему куратору в контрразведке, тот дальше по инстанции... Меня начнут изучать... В контрразведке наверняка есть те, кто работает на ЦРУ, следовательно, в ЦРУ узнают о моей встрече и содержании разговора с Карибо. И хорошо, что узнают. Для непосвященных это будет лишь информация о том, что некий бизнесмен пытается выйти на новый для себя рынок и готов использовать различные приемлемые в этой стране способы. А для тех, кто в ЦРУ знает, кто я и какую функцию я выполняю, получение такой информации станет своего рода подготовкой к тому, что я им скоро предложу. А предложу я им то, на что натолкнул меня рассказ Лансфильда! Это поможет мне выполнить задание Центра, да, и, возможно, узнать то, о чем пока, очевидно, мало кто задумывается: о скрытых причинах распространения наркомании. А, если мое предположение о связи Диего с наркомафией правильное, то это облегчит мне это узнавание...

Но главное, чтобы не сорвался наметившийся контакт с Диего. А для этого мне нужен Николсон... Отправлю его в страну директором филиала. Николсон будет доволен: как же такое повышение! Да и от собутыльников оторвется, хотя, он и на новом месте может их найти... Если... если не «завяжет». А «завяжет» ли – это большой вопрос. Конечно, он пообещает, но... И что тогда? Тогда... Тогда на первых порах, все будет так, как задумано, а потом придется с ним расстаться... Конечно, совместные выпивки помогут установить кое-какие нужные связи, да и он, много чего порассказывает... И пусть. Будет своего рода неформальная реклама компании... Да и никто не подумает, что через такого выпивоху может быть связь с Диего. А она, эта связь, будет... Николсон, как бы случайно, познакомится с Карибо, Карибо сам это организует, а потом опять-таки сам, как я с ним договорился, предложит свои услуги... Естественно, без ссылки на Диего. Николсон согласится, тут сомнений нет: в новой для него обстановке, да еще в новой для него стране от услуг, пусть и оплачиваемых, по развитию бизнеса не отказываются, да и о карьере он не может не позаботиться, ему надо будет доказать, что я, назначив его директором филиала, не ошибся... А дальше дело, как говорится, техники... какими способами он будет оплачивать из тех средств, которые я ему предоставлю, услуги Карибо, вернее не только Карибо но и этого... Диего. Я намекну Николсону, что готов разрешить это... Он поймет. Николсон будет думать, что Карибо работает на него, а на самом деле... на самом деле все они: и Николсон, и Карибо, и Диего будут работать на меня... Работать не только на мой бизнес, но на выполнение мною задания Центра! Ничего не поделаешь, бизнес – великолепное прикрытие для разведчика. Но, когда я уволю Николсона, мне будет нужен

другой вариант контакта с Диего. Значит, мне надо его загодя подготовить... Подготовить и держать в резерве... Кстати, надо еще решить, кого отправить вместе с Николсоном, сколько человек...»

XXVII

Вот тогда-то и пришла мне в голову мысль об Элеоноре... Вернее, о том, что было бы неплохо, если она уехала в составе той группы, которая должна была составить основу коллектива филиала.

Если бы это произошло, я, во-первых, избавился бы от секретаря, которая многое знала обо мне и моих контактах, во-вторых, я бы не только сдержал свое обещание повысить ей заработную плату, но и существенно бы изменил ее статус в компании, и, в-третьих, кто знает, может быть, ее отъезд из Штатов позволил бы ей изменить ее судьбу и выйти замуж за кого-нибудь приглянувшегося ей латиноамериканца.

«Чего это я задумался о ее замужестве? – удивился я. – Мне-то какое дело: замужем она или нет? Это ее личный выбор. Тогда почему? Почему... Может быть потому, что жду ответа от Пигмана? А что это изменит? Что? А, вот, что: если она не та, за кого себя выдает, то моя идея об отправке ее в составе группы, может не реализоваться. Муж будет против, если, конечно, Пигман выяснит, что он есть... Да и те в ЦРУ или БНД, или в них обоих, могут воспрепятствовать: им будет нужно время на подбор и подставу замены Элеоноре. Захотят ли они этим заниматься сейчас? Да...»

С этими мыслями я уснул, а утром позавтракал, сдал номер, отправил чемодан с вещами на вокзал и позвонил Лансфильду.

- Доброе утро, профессор, спасибо вам за вчерашнее.
- Доброе утро, – ответил он, – если не секрет, как прошла встреча?
- Вы были правы, говоря о нём...
- Вот, видите! Так, вам не удалось договориться?
- Я передумал, – схитрил я, – решил действовать по-другому.
- И правильно, от таких, как он, надо держаться подальше.
- Вот именно, – согласился я. – Хочу еще раз подтвердить свое обещание.
- Помню и заранее благодарен. Но пока я, как и говорил вчера вам, еще не определился.
- Ничего. Просто помните, что я всегда жду вашего звонка.
- Спасибо огромное! Я обязательно вам позвоню.
- До свидания!
- До свидания!

«Ну, теперь, мне предстоит едва ли не самое главное: заинтересовать должностных лиц ЦРУ и БНД изучением ситуации относительно влияния наркобаронов на изменение политической ситуации в латиноамериканских странах и получить от американцев всю возможную информацию об этом Диего, – положив телефонную трубку, подумал я. – Диего как одном из политических деятелей, которые представляют различные политические течения в Латинской Америке...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.